

Литература:

1. *Ионичев Н.П.* Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М.: Аспект, 2001. – 399 с.
2. *Арин О.А.* Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX – начало XX века). Москва: Линор, 1999. – 64 с.
3. *Зив В.С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях // Вып. 1.: Германские капиталы. – Петроград: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1915. – 106 с.
4. *Оль П.В.* Иностранные капиталы в России. Петроград: 4-я Государственная типография, 1922. – 304 с.
5. *Петров Ю.А.* Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Банка России. 2004. № 22 (746). С.2–8.
6. *Тимошенко В.П.* Пионеры прибыли. Иностранный капитал и промышленный подъем на Урале на рубеже XIX–XX вв. // ЧиновникЪ. №298 (2) [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [http:// chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=206](http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=206) (дата обращения 25.09.2014 г.)
7. *Дьяконова И.А.* Прямые германские инвестиции в экономику Российской империи // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 121–149.
8. Азовско-Донской банк // Словарь по Истории российского предпринимательства / под ред. Р.Х. Хайрtdинова. Уфа: Уфимский гос. тех. ун-т. 2008. С.1.
9. *Эвентов Л.Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М.: Наука, 1931. – 624 с.
10. *Батенев Л.М.* История горного Урала. 1901–1940 гг. Екатеринбург: УГГУ, 2009. – 210 с.
11. *Коробкин М.* Вопросы внешнего рынка и развитие уральского хозяйства // Хозяйство Урала. – 1925. – №1. – С. 37–38.
12. *Kuczynski J., Wittkowski G.* Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Verlag „Die Wirtschaft GmbH“ – Berlin, 1947. – 125 S.
13. *Тимошенко В. П., Бедель А.Э.* Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1998. – 68 с.
14. *Зак А.Н.* Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности. СПб.: Тип. Л.Я. Ганзбурга, 1914. – 57 с.
15. *Ионичев Н.П.* Международные экономические отношения капиталистической. М.: МГУП, 2001. – 314 с.

I.I. Vasina, V.V.Zapariy.

GERMAN INVESTMENTS IN THE ECONOMY OF THE URAL MOUNTAINS AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES.

The article gives the description of the economic relationship in the largest region of Russia - the Urals with Germany on the verge of centuries. Role of financial relations and the impact of the latest German technology on the development of Russian industry.

Key words: Ural, Germany, industrial production, German capital

С.В. Воробьев*

**КОММУНИСТКИ НЕ СОВСЕМ ЕЩЕ ИЗЖИЛИ
ПРЕДРАССУДКИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ЧЛЕНОВ
РКП (Б) НА УРАЛЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА**

Статья посвящена влиянию религиозных традиций на женщин-коммунисток в период новой экономической политики на Урале

Ключевые слова: Урал, Новая экономическая политика, женщины-коммунистки, религия.

Идеологи коммунистической доктрины крайне негативно относилась к религии, считая ее средством порабощения народа. Вспомним известное выражение К. Маркса: «Религия есть опиум народа». Лидеры большевистской партии также рассматривали религию как

* *Воробьев Сергей Викторович* - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИИиА УрО РАН. svorob.hist@gmail.com

реакционное мировоззрение противостоящее марксизму. В.И. Ленин писал по этому поводу: «Социал-демократы не разделяют воззрений христианской религии... в силу нашего научного, материалистического мировоззрения... и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье трудящихся, мы, социал-демократы относимся отрицательно к христианскому учению» [10].

В отечественной историографии советского периода, проблема существования религиозных верований среди коммунистов не изучалась. Априори считалось, что коммунист как представитель передовых, прогрессивных слоев нового общества является носителем атеистического мировоззрения, ему чужды религиозные предрассудки и религиозные практики. В постсоветский период появляется интерес к изучению религиозных взглядов и религиозного сознания различных социальных групп советского общества в разные исторические периоды через категорию «религиозные практики»²⁷⁶[8].

Поэтому на современном этапе развития отечественной историографии также встает необходимость по-новому взглянуть на проблему «религия и коммунисты». Какое реальное место занимала религия в сознании членов РКП(б), оказывали ли религиозные практики влияние на их повседневную жизнь и в какой степени? Обращение к архивным документам показывает, что историческая реальность не в полной мере соответствовала теоретическим установкам партийных теоретиков.

Данные партийной переписи 1922 г. вроде бы однозначно подтверждают тезис советской историографии об отрицательном отношении коммунистов к религии. Все коммунисты Екатеринбургской губернии, отвечавшие на вопрос анкеты, касавшийся религиозных убеждений, дали отрицательный ответ, позиционировали себя как неверующие. Однако абсолютную достоверность этих ответов можно поставить под сомнение, так как необходимо учитывать исторический контекст проведения партийной переписи.

Еще в 1919 г. вышла известная работа партийных теоретиков Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма», в которой постулировалось однозначно негативное отношение коммунистической партии к религии. В главе XI «Религия и коммунизм» говорилось о том, что у коммунистов не может быть компромисса с религией. Такая соглашательская, конформистская позиция подвергалась осуждению: «Некоторые плохонькие коммунисты рассуждают так: “мне религия не мешает быть коммунистом – я одинаково верю и в Бога, и в коммунизм. Моя вера в Бога не мешает мне бороться за дело пролетарской революции”. Такое рассуждение в корне неверно. Религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически».

²⁷⁶ Религиозные практики – это вся совокупность интерпретаций и действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, их религиозным опытом и/или их взаимодействием с религиозными институтами. Практики включают в себя обряды (ритуалы) – не в качестве прописанных в канонах образцов, а как реально совершаемые действия, которые могут отличаться от этих образцов; но понятие «религиозные практики» шире понятия «обряд». См.: *Русселе К., Агаджанян А. Религиозные практики в современной России.* М., 2006. Режим доступа: <http://www.imobilco.ru/books/-/645317/>

По мнению авторов «Азбуки коммунизма», человек, разделяющий коммунистические идеалы и одновременно придерживающийся религиозных практик не может находиться в рядах партии в ситуации обостренной классовой борьбы: «Верующий и называющий себя коммунистом, нарушающий предписания партии во имя заповедей религии, перестает быть коммунистом»²⁷⁷.

На практике теоретическая установка о несовместимости принадлежности к большевистской партии с религиозностью проявлялась в том, что в ходе неоднократных чисток одной из причин исключения из партии являлись именно религиозные убеждения людей. Так, по результатам партийной чистки 1921 г. из Екатеринбургской губернской партийной организации за религиозные взгляды было исключено 5% коммунистов²⁷⁸, в Пермской губернии из 1363 чел., исключенных из партии, 45 были исключены за исполнение религиозных обрядов (3,3% от общего числа исключенных) [2].

В связи с этим центральным партийным органам накануне переписи пришлось рассылать на места дополнение к «Инструкции о переписи» относительно личного переписного бланка «А», в котором разъяснялось, что «п. 10 отнюдь не преследует полицейские меры. Искренняя вера (обрядовая запрещена соответствующим циркуляром ЦК) товарища во что-то или боязнь чего-то «свыше» должна быть изжита не наказанием, и агитпропагандистской работой»²⁷⁹.

Но можно с уверенностью сказать, что данное разъяснение не произвело должного эффекта, так как, во-первых, оно не было доведено до большинства регистраторов, а, следовательно, и до опрашиваемых коммунистов. Во-вторых, рядовые члены партии неравнодушные к вопросам веры не отделяли обрядовую сторону религии от содержательной, для них это были неразделимые элементы религиозного мировоззрения, что особенно явно проявлялось у исповедующих ислам. В-третьих, в ходе проведения переписи появились новые партийные документы по религиозному вопросу. 4 февраля 1922 г. вышел циркуляр ЦК РКП (б) «О постановке антирелигиозной пропаганды», в котором указывалось, что «РКП (б) борется со всяким религиозным мировоззрением»²⁸⁰.

Вслед за этим в марте 1922 г. была опубликована статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма». В статье В.И. Ленин изложил основные принципы организации антирелигиозной пропаганды, как особого направления классовой борьбы и призывал партию вести систематическую пропаганду воинствующего атеизма [9]. Даже если рядовые члены партии могли быть не в курсе появления этих документов и не знать их содержание, то общую негативную позицию большевистской власти в отношении религии отчетливо ощущали и понимали. К тому же вызывает со-

²⁷⁷ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. М., 1919. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/buharin_nikolay_azbuka_kommunizma/read/

²⁷⁸ Известия ЦК РКП (б). 1922. № 4. С. 39.

²⁷⁹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 76. Л. 20а.

²⁸⁰ Циркулярное письмо ЦК РКП (б) «О постановке антирелигиозной пропаганды». – Режим доступа: <http://www.tambovdoc.ru/arhivnyie-dokumentyi/o-postanovke-antireligioznoy-propagandyi.php>

мнение, что члены партии, по крайней мере, их большинство, были в состоянии уловить все тонкости и нюансы религиозной политики центрального партийного руководства, которая могла меняться в сторону ужесточения или смягчения под влиянием политической конъюнктуры.

Поэтому не удивительно, что вопрос переписки анкеты об отношении к религии оказался одним из самых «неудобных» для респондентов, часто вызывая у коммунистов смешанные чувства, определенное замешательство. Как отмечали регистраторы «вопрос о религии вызвал отрицательное отношение», «[возмущение] (слово зачеркнуто – С.В.) удивление [вопросом] о религии, спрашивали для чего такой вопрос в бланке «А», «у некоторых членов были заминки в религиозном вопросе, но после разъяснения в большинстве отвечали правильно», «вопросом 10-м бланка «А» все опрашиваемые поразились, но давали всегда категорические отрицательные ответы»²⁸¹.

Такая настороженность, а иногда и резко негативная реакция членов партии на вопрос о религиозных убеждениях, были вполне объяснимы. С одной стороны, этот вопрос затрагивал личную духовную сферу человека, с другой стороны – как показано выше, это было обусловлено позицией Советского государства и партии большевиков в отношении религии в целом и к Русской православной церкви в частности.

Российское общество начала XX в., несмотря на серьезные социальные потрясения, во многом оставалось обществом традиционным, покоившимся на патриархальных ценностях, в том числе и морально-религиозного характера. Официальная государственная доктрина России со времен Николая I включала в себя три компонента: «православие, самодержавие, народность». В соответствии с этими принципами строилась и система начального образования, в которой изучение Закона Божия занимало важное место. По мнению властей, задача начальных учебных заведений состояла в том, чтобы «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [7, с. 24].

Так как большая часть уральских коммунистов имела только начальное образование (80,9 %) и еще 15,6 % были самоучками [1, с. 270], то их поведение и мировоззрение в определенной мере обуславливалось сложившимся религиозным культурным архетипом. Они учились и формировались как личности в условиях, когда религиозность была характерной, неотъемлемой чертой общественной жизни Российской империи, присущей всем социальным слоям и этносам России, ее «культурным кодом». С этим незначительным культурным багажом, который, как правило, больше не пополнялся, и низким познавательным горизонтом они и пришли через социальные потрясения революции 1917 г. и Гражданской войны в ряды коммунистической партии.

Учитывая данные обстоятельства, вызывает сомнение столь быстрое и радикальное преодоление религиозных предрассудков и религиозного мировоззрения членами РКП(б) и их сознательный переход на позиции атеизма в послереволюционный и тем более

²⁸¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.8. Д.758. Л. 155, 167, 168, 200.

в дореволюционный период, каким оно предстает по результатам партийной переписи 1922 года. Ведь даже во второй половине 1930-х гг., когда антирелигиозная пропаганда должна была искоренить из сознания советских людей все религиозные верования и предрассудки, по данным переписи 1937 г., среди грамотного населения верующие составляли 44%. Даже среди грамотной молодежи от 20 до 29 лет, выросшей уже при советской власти, верующие составляли 38% [3, 395; 4, с. 102].

В связи с этим, нельзя исключать, что какая-то часть коммунистов, при ответе на вопрос переписной анкеты скрыла свою религиозность, опасаясь исключения из рядов партии. Некоторые регистраторы поставили под сомнение правдивость ответов на вопрос о религиозных убеждениях: «отрицательное отношение вызывал п. 10 бл[анка] «А» и насколько достоверны ответы на этот пункт ответить трудно, т.к. большинство членов РКП [...] малоразвиты и веруют, хотя не явно, во что-то внешнее», «у некоторых товарищей на вопрос 10/а ответы не достоверны», «ответы “не верующий” с молодежного возраста (10, 11, 12 лет) в большинстве не достоверны»²⁸². Таким образом, обращение к отчетам регистраторов переписи демонстрирует наличие у членов партии элементов религиозной веры, по крайней мере, на уровне обыденного сознания.

Исторические реалии свидетельствуют о том, что в начале 1920-х гг. религиозные представления оставались элементом мироощущения определенной части коммунистов. Только они не афишировались, не выставлялись напоказ, а проявлялись в повседневной жизни, в религиозных практиках. Таких фактов в исторических источниках удастся отыскать немного, но все-таки они есть. А.В. Лямзин, изучавший уральскую периодическую печать, отмечает: «Анализ прессы показал, что обыденная религиозность продолжала сохраняться не только у крестьян, но также среди учителей, партийцев и комсомольцев» [5, с. 25].

При этом, говоря о религиозности, необходимо разделять приверженность официальному вероучению Русской православной церкви и народную веру, массовую религиозность, существенным компонентом которой были народные суеверия. Эти составляющие религиозности представляли собой хотя и пересекающиеся, но все же не совпадающие явления» [6, с. 157].

Крестьяне, как основные носители религиозных представлений, к началу 1920-х гг. составляли существенную часть РКП (б), несмотря на «антикрестьянскую» по своей сути кадровую политику партийного руководства при приеме в партию новых членов. Но партийные «фильтры» не выдержали мощного напора крестьянской массы. Пролетарская по своей идеологии партия «окрестьянилась» в социальном смысле, ее социальный состав стал отражением социальной структуры российского общества.

Прежде всего, проявления религиозности и следование религиозным традициям наблюдались в среде сельских коммунистов. Они продолжали достаточно активно отправлять религиозные об-

²⁸² РГАСПИ Ф.17. Оп.8. Д.758. Л. 114, 184, 218.

ряды, связанные с повседневной жизнью: крестили детей, венчались в церкви, отпевали покойников [6, с. 413]. В декабре 1922 г. из Арамильской партийной организации была исключена группа коммунистов-крестьян за участие в церковном обряде: «Дюков Ф.К. за совершение церковного брака, несмотря на предупреждение бюро ячейки [...]; Ситников Тимофей за участие в обряде венчания в качестве крестного и благословение иконой Дюкова; Ситников Як[ов] за то, что благословлял иконой Дюкова и носил её вокруг свадебного поезда; Мишарин, бывший секретарь ячейки, за участие в свадьбе в качестве богоносца»²⁸³.

Не отставали от крестьян и коммунисты-рабочие, повседневную жизнь которых тоже сопровождали религиозные практики. Вот как описывал ситуацию в партийной ячейке Кушвинского завода инструктор Уралбюро ЦК РКП (б) Шебалдин в мае 1923 г.: «Справляют старые традиционные праздники. Есть случаи крестин среди коммунистов, элемента кандидатского. Иконы в домах имеются у 50% и более... Были случаи церковных браков даже ответственных товарищей, скрываясь от местной организации, товарищи проводили это в других местах»²⁸⁴. Помимо православных обрядов, наблюдались и факты обращения к языческой вере, оккультным ритуалам, особенно среди женщин-коммунисток. «Коммунистки не совсем еще изжили предрассудки, любят поворожить на картах, бегают к хиромантам и цыганкам, скрываясь – добиваются своей цели»²⁸⁵.

Некоторые коммунисты, испытывая внутренний конфликт между своей верой и принадлежностью к коммунистической партии, проводившей непримиримую антирелигиозную политику, в конце концов, приходили к решению о выходе из ее рядов. Крестьянин М.В. Малыгин в декабре 1922 г. подал заявление в Ленёвскую организацию о выходе из РКП(б), «считая несовместимыми свои религиозные убеждения с пребыванием в партии, а также невозможным для себя следовать партийной дисциплине»²⁸⁶. Уговоры товарищей не заставили его изменить своё решение.

Уральские коммунисты нерусской национальности (татары, башкиры) были еще в большей мере связаны путами традиционной исламской культуры. В рамках этой культуры на первом месте стояла религиозная принадлежность индивида – мусульманин, а уже потом этническая – татарин, башкир. В связи с этим партийное руководство было вынуждено проводить осторожную, взвешенную, дифференцированную, гибкую религиозную политику в отношении различных религиозных конфессий и направлений. Анализируя уральскую периодическую печать 1920-х гг., А.В. Лямзин сделал вывод о том, что ислам и сектантство находились в более привиле-

²⁸³ Из протокола № 49 заседания президиума Екатеринбургского уездно-городского комитета РКП (б) об исключении из партии и приеме новых членов // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. 1917–1945. С. 333.

²⁸⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 54.

²⁸⁵ Там же. Л. 55.

²⁸⁶ Из протокола №49 заседания президиума Екатеринбургского уездно-городского комитета РКП(б) об исключении из партии и приеме новых членов // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. 1917–1945. С. 331.

гированном положении, советская власть проявляла к ним большую терпимость по сравнению с православием [5, с. 22, 25].

Партийные документы этого периода свидетельствуют о правомерности данного вывода. В частности секретным циркуляром ЦК РКП (б) № 140 от 3-го мая 1924 г. партийным органам на местах предписывалось не препятствовать преподаванию ислама мусульманской молодежи²⁸⁷. Представить подобное толерантное отношение со стороны Советской власти к православию было не возможно, для нее Русская православная церковь была частью государственной системы, а православие – частью государственной идеологии царского режима [9].

Ислам в этом отношении был «опальной» религией старого режима и с прагматической точки зрения толерантное отношение к нему могло обеспечить большевикам лояльность со стороны мусульманского населения. Однако такой избирательный подход к религиозным конфессиям со стороны центральной власти не могли понять руководители местных партийных организаций Урала, долго не веря в полученный документ и обращались в вышестоящие инстанции с просьбой подтвердить достоверность спущенного им циркуляра. В связи с этим Уральский обком РКП(б) был вынужден разослать окружкомам партии разъяснительную записку, в которой подтверждалось, что «циркуляр действительно исходит от ЦК РКП(б)» и его изданию «предшествовала глубокая проработка вопроса»²⁸⁸.

Таким образом, официальные антирелигиозные принципы коммунистической партии вступали в конфликт с атавизмами религиозного мировоззрения, которые имелись у некоторых ее членов. В повседневной жизни синкретизм сознания части партийцев проявлялся в отпавлении ими, несмотря на категорический запрет партийных органов, религиозных практик (общие и местные церковные праздники, церковные браки, крестины, отпевание) связанных не только с традиционными религиями России (православием и исламом), но и с народными верованиями и оккультными учениями. Следование религиозным практикам не обязательно свидетельствовало о глубокой вере коммуниста, это могло быть и бытовой традицией, укоренившимся, рутинным фактом жизненных устоев его социального круга. В любом случае, говорить об осознанном и убежденном атеизме абсолютно всех членов РКП(б) в рассматриваемый период, как свидетельствуют исторические факты, не представляется возможным.

Литература:

1. *Воробьев С.В.* Культурно-образовательный уровень уральских коммунистов начала 1920-х гг. в контексте проблемы управления // Сельские Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2008. С. 268–273.

2. *Дианов С.А.* Партийная номенклатура Прикамья как объект политического контроля в 1919–1929 гг. Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=38&pod3_id=140

²⁸⁷ Разъяснительная записка Уральского обкома РКП(б) Екатеринбургскому окружному РКП (б) о преподавании религии мусульманским подросткам // Там же. С. 366.

²⁸⁸ Там же. // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. I. С. 365.

3. *Жиромская В.Б.* Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: Историками мира спорят. М., 1994. С. 385–396; Корнилов Г.Е. Религиозность крестьянства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 101–103.

4. *Лямзин А.В.* Периодическая печать как источник по истории взаимоотношения церкви и государства в 1920-е гг. (на примере Уральского региона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

6. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

7. *Осоков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982.

9. *Усольцев С.А.* Отечественная историография проблемы генезиса образа Христа и антирелигиозная пропаганда 1920-х гг. // Известия филиала ВЗФЭИ в г. Барнауле, 2003. № 6. С. 70–73. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/20_u/uso/lzev.htm

10. *Ленин В.И.* Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 156–157.

S.V. Vorobjev

COMMUNISTS ARE NOT YET COMPLETELY EXHAUSTED PREJUDICE: RELIGIOUS PRACTICES OF MEMBERS OF THE RCP (B) IN THE URALS IN THE FIRST YEARS OF NEP

The article is devoted to the influence of religious traditions on women Communists in the period of new economic policy in the Urals

Keywords: Ural, New economic policy, women-Communist,

Н.Ю. Гаврилова*

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ИНТЕНСИВНОГО ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ

В статье анализируется развитие системы профессионального образования в Тюменской области в 1960-1980-годы, в период интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов региона.

Ключевые слова: профессиональное образование, вузы, техникумы, промышленное освоение, север Западной Сибири.

1960 - 1980-е гг. явились «звездным часом» в развитии Западно-Сибирского региона. Открытие на Тюменской земле крупнейших по масштабам месторождений углеводородного сырья кардинально преобразило не только северные районы, ставшие центром нефтегазодобывающей промышленности, но и саму Тюменскую область. На ее территории был реализован один из самых крупных народнохозяйственных проектов за послевоенный период в СССР, вошедший в историю как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК).

Интенсивное промышленное освоение северных территорий Западной Сибири оказало значительное влияние на систему высшего профессионального образования области, придав ей дополнительный импульс развития. К началу освоения нефтегазовых ресурсов ни высшее, ни среднее специальное, ни начальное профессиональное образование не были подготовлены к обеспечению кадрами соответствующей квалификации новых отраслей специали-

* Гаврилова Надежда Юрьевна - доктор исторических наук, профессор Тюменский государственный нефтегазовый университет nugavrilova@mail.ru